12. Kardashevskij G.R. Dosovetskaja dramaturgija A.I. Sofronova. Jakutsk: Kn. izd-vo, 1982.

13. Kosteljanec B.O. Tvorcheskaja individual'nost' pisatelja. Kriticheskie ocherki i stat'i. L.: Sov. pisatel', 1960.

14. Kulakovskaja L.R. Nauchnaja biografija A.E. Kulakovskogo: lichnost' pojeta i ego vremja. Novosibirsk: Nauka, 2008.

15. Novickaja I.Ja. Stanovlenie hudozhestvennogo mira Astrid Lindgren. M.: Izd-vo «VK», 2004.

16. Pavlinov D.M., Vitashevskij N.A., Levental' L.G. Materialy po obychnomu pravu i po obshhestvennomu bytu jakutov. Trudy komissii po izucheniju Jakutskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki. T. IV. L.: Izd-vo AN SSSR, 1929.

17. Popov G.V. Istoki rodoslovnoj (Rodoslovnaja narodnyh pisatelej Jakutii). Jakutsk: Bichik, 1994.

18. Repina L.P. Lichnost' i obshhestvo, ili istorija v biografijah // Istorija cherez lichnost': istoricheskaja biografija segodnja / pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug#, 2005.

19. Repina L.P. Ot «istorii odnoj zhizni» k «personal'noj istorii» // Istorija cherez lichnost': istoricheskaja biografija segodnja / pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug#, 2005.

20. Semenova V.G. Alampa. Zhizn' i tvorchestvo. Ch. 2. Jakutsk: Bichik, 2007.

21. Semenova V.G. Alampa. Lichnost' v istorii naroda. Jakutsk: Sitim-media, 2011.

22. Toburokov N.N., Semenova V.G. Alampa. Zhizn' i tvorchestvo. Ch. 1. Jakutsk: Bichik, 2004.

23. Trush K.A. Kul't predkov // Uskov Ju.A. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Ch. 1. Istoricheskaja genealogija: ucheb. posobie. Kemerovo: KemGUKI, 2006. S. 69–71.

24. Uskov I.Ju. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Ch. 1. Istoricheskaja genealogija: ucheb. posobie. Kemerovo: KemGUKI, 2006.

25. Holikov A.A. Biografija pisatelja kak zhanr: ucheb. posobie. M.: LIBROKOM, 2010.

Genealogic origins of A.I. Sofronov-Alampa

The article deals with the genealogic origins of a founder of the Yakut literature A.I. Sofronov-Alampa. The historical legends about the writers' ancestors who left their marks in the history of the Sakha people are researched. In the genealogic sources of the classic's personality one can find the foundations of the unusual fate, predisposition to creative thinking.

Key words: *legendary heroes, biography, genealogy, Alampa, artistic gift.*

(Статья поступила в редакцию 21.04.2016)

Н.К. ХУЗИЯТОВА, М.Е. ПАНИНА
(Владивосток)

КИТАЙСКАЯ ОЧЕРКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА *БАОГАО ВЭНЬСЮЭ:* В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖДУ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМ (Ма Фулинь «Россия. Черное и белое»)

Рассмотрены вопросы функционирования художественных и публицистических элементов современного китайского публицистического дискурса на материале исследования очерка Ма Фулиня «Россия. Черное и белое». Художественный и публицистический модусы исследуются методами традиционного литературоведения и нарратологии. Соотношение объективного и субъективного начал, нарративная система и нарративные стратегии позволяют говорить о баогао вэньсюэ *как о сложном литературном явлении с присущими ему художественно-публицистическими особенностями.*

Ключевые слова: *очерковая литература баогао вэньсюэ, нарративный анализ, фокализация, образ Другого.*

В настоящее время в художественной литературе и публицистике углубляется тенденция к смешению и взаимопроникновению жанров, происходит стирание границ между фиктивным и документальным повествованием, характерна установка на жанровый эксперимент. Отечественные исследователи Д. Бак, Т. Маркова, Г. Прохоров, Г. Солганик [1; 9; 15; 17] отмечают, что в художественных текстах усиливается информационная составляющая, в публицистических же текстах художественные приемы придают тексту «игровой, литературный характер», что сближает публицистический материал с эссе. Западные (D. Kuprel, M. Sabelli [7; 16]) и китайские (Го Чжиюнь, Дин Сяоюань, Чжан Лошэн, Чжоу Мяолун [2; 3; 4; 18; 19]) исследователи также подчеркивают всё возрастающее значение художественной составляющей в очерковой литературе.

Кроме того, публицистический дискурс сам по себе является неоднородным. Степень выражения авторского начала, экспрессии и использования художественно-образных средств возрастает от минимальной в информационной группе текстов (например, заметка

© Хузиятова Н.К., Панина М.Е., 2016

и репортаж) до максимальной в таких жанрах, как эссе и очерк. Соответственно, и функция воздействия на адресата реализуется разными средствами. Хотя, как показывает Л. Кройчик, даже «информационный нарратив» заметки позволяет передать авторское отношение к событию и после обработки фактов подать его как общественно значимое событие: «Идет общение между адресантом и адресатом, между аудиторией и временем, между адресатом и текстом, между адресатом и контекстом, между адресатом и подтекстом» [6, с. 10]. Эффект воздействия публицистического текста напрямую связан с характером высказывания, заключен в эмоциональных его ресурсах, что само по себе предполагает эстетическую обработку факта.

Говоря о связи художественного и публицистического, следует учитывать, что в китайском языке понятие «литература» шире, чем в русском. В русскоязычном контексте «публицистика» – это не «литература» в полном смысле этого слова, хотя существуют определения публицистики и как «области литературы». В китайском языке есть понятия «документальная литература» *цзиши вэньсюэ / сецзо* (纪实文学/写作) и «очерковая литература» *баогао вэньсюэ* (报告文学). В свою очередь, всё многообразие публицистических жанров, включая документальную и очерковую литературу, входит в большую группу текстов, именуемых «проза» *саньвэнь* (散文), которая претендует на статус самостоятельного литературного рода наравне с эпосом, лирикой и драмой. В русскоязычной литературе для обозначения произведений этой группы принято использовать слово «эссе». Фактически тексты *саньвэнь* в китайской классификации – то же самое, что «нон-фикшн» в англоязычной классификации.

Двусложный китайский термин *баогао вэньсюэ* (报告文学) складывается из сочетания слов «*баогао*» – «доклад, сообщение, отчет», «*вэньсюэ*» – «литература» и может переводиться как «очерковая литература», «документальная проза», «репортаж». Китайская исследовательница Ли Мэй указывает, что за редким исключением европейские исследователи используют не транскрипцию китайского слова, а такие термины, как *reportage, literary reportage/journalism, reportage literature* [8, с. 83].

Очерковая литература *баогао вэньсюэ* – художественно-публицистический жанр, в котором сочетаются логико-рациональный и эмоционально-образный способы отражения действительности для решения определенных вопросов жизни человека или общества. Черты очерка как жанра постоянно меняются, неизменным остается стремление к документальности, фактографичности, публицистической заостренности в сочетании с поисками новых литературных форм, для преодоления жанровых границ, быстрого реагирования на меняющуюся действительность. Для китайского читателя очерковая литература *баогао вэньсюэ* – достаточно быстрый способ получения информации об актуальных событиях в «удобной», не сухой манере изложения.

В работах китайских исследователей *баогао вэньсюэ* чаще всего определяется как дискурс/стиль (文体), а также как литературный жанр (体裁) и просто как вид эссе. В качестве авторитетного мнения китайский исследователь Дуань Байлин приводит высказывание китайского писателя Мао Дуня: «По своей форме произведения *баогао вэньсюэ* могут быть разными, но главное, что их отличает от других литературных произведений, – это публицистический характер [повествования]» [5, с. 50].

Основой для данного исследования стали тексты *баогао вэньсюэ* современных китайских авторов, посвященные России и русским, в частности весьма значительный по объему очерк современного китайского писателя, эссеиста и публициста Ма Фулиня «Россия. Черное и белое» с подзаголовком «Десять лет жизни китайца в России» [10–13]. Общий объем произведения составляет около 60000 иероглифов.

Публицистическая составляющая баогао вэньсюэ. В основе очерка «Россия. Черное и белое» лежат эмпирические ситуации – личный опыт автора. Ма Фулинь рассказывает читателям о своем десятилетнем пребывании в России и общении с русскими, предлагает свой взгляд на актуальные проблемы российской действительности. Все это объективные факторы, присущие очерку как публицистическому жанру.

Для публицистики характерны документальный и / или полудокументальный тип изложения и аналитический подход к событиям в сочетании с фактографичностью выражения. Ма Фулинь в своем повествовании «отталкивается» от исторических и культурных реалий России (события из жизни руководителей страны, особенности быта постсоветской России на стыке веков). Стремление к подтверждению достоверности описываемых событий, свойственное публицисту, реализуется

в тексте через отсылки к конкретным датам, местам, событиям, упоминания полных имен людей, с которыми автор встречался в России. Это один из основных моментов пересечения публицистики и беллетристики в *баогао вэньсюэ*: важно не только описать и проанализировать события, но и подтвердить факт своего непосредственного в них участия [16, с. 6].

Ма Фулинь-публицист выступает по отношению к описываемым событиям как «ироничный обличитель». Именно в этой роли он вводит в текст основные стереотипы китайцев о русских: «все русские – торопыги», «русские девушки – красавицы», «русские ленивы» и т. д. Однако как публицист-аналитик и как человек, долгое время проживший в России, Ма Фулинь способен взглянуть на происходящее глубже, чем средний китайский читатель. Например, в контексте одной из историй Ма Фулинь приводит существующее стереотипное противопоставление китайского трудолюбия и русской лени: *Волосатики* слишком ленивы! Сделали бы парники и выращивали овощи сами!* И сразу начинает возражать: *А спрошу я вас, откуда взять деньги? Кредит? А вы знаете, какой высокий в России процент? А вы знаете, сколько мер приняло российское правительство для поощрения производства? А кто будет учить их технологии парниковых посадок? Вы? (...) а самая важная и часто игнорируемая проблема – осознание себя как предпринимателя и понимание необходимости конкурентоспособности. Уравниловка социализма за семьдесят лет развратила людей* [10]. В качестве публициста-обличителя Ма Фулинь сначала показывает злободневный и видимый всем факт, а затем как писатель-полемист ведет читателя дальше к обобщениям и размышлениям.

Таким образом, публицистическое начало присутствует в *баогао вэньсюэ* на тематическом, проблемном и повествовательном уровнях.

Художественная составляющая баогао вэньсюэ. Произведения *баогао вэньсюэ*, как всякие тексты, обладающие художественным модусом, характеризуются избирательностью в освещении событий, продиктованной индивидуально-авторским подходом.

Уже в выборе названия («Черное и белое») проявляются субъективное отношение автора, двойственность его восприятия России и русских. Выбор тем описания и их порядок весьма и весьма субъективны: советские и российские политики, банки, аэропорты, гостиницы, русская природа, русские люди... Все микротемы объединяет именно двойственность, по мнению автора, присущая России и русским: политики неплохие люди, но у политики плохие результаты; природа богатая, а люди голодные; люди голодные и бедные, но при этом ленивые и «краснощекие» (признак здоровья).

Вместе с тем Ма Фулинь описывает Россию и русских не только для того, чтобы дать китайскому читателю представление о них: то и дело появляются вставки-размышления о проблемах современного Китая и китайцах. Рассуждая об «испорченности социализмом» русских, о «бесконтрольной рождаемости» рыбы в России, Ма Фулинь может беспрепятственно выражать свое отношение к тем аспектам китайской жизни, которые вряд ли бы осмелился критиковать напрямую. «Там, где журналистика показывает факт, как он есть, а беллетристика создает событие ради исследования определенной идеи, очерковая литература показывает факты ради идеи. Таким образом она служит мостом между событиями и теоретическими размышлениями, и зачастую читателю сложно понять, где заканчивается одно и начинается другое. “Фактомонтаж” призван воздействовать на читателя эмоционально, интеллектуально, визуально и на уровне воображения» [16, с. 4].

На повествовательном уровне художественный модус *баогао вэньсюэ* проявляется в сложной нарративной системе и так называемом «переменном фокусе». Данный тип фокализации вводит китайская исследовательница Го Чжиюнь в дополнение к уже описанным нулевому, внешнему и внутреннему типам [2].

В журналистике наиболее часто используется внешняя фокализация как способ объективной подачи материала, когда повествователь сообщает о действиях героя, объективной ситуации, но мы ничего не знаем о его мотивах, целях, чувствах и образе мыслей. В силу художественно-публицистической природы *баогао вэньсюэ* внешняя фокализация в ней не может использоваться непрерывно. И фокус постоянно (нередко от абзаца к абзацу) меняется, тем самым создавая художественный эффект.

Нулевая фокализация (позиция «всезнающего повествователя») используется Ма Фулинем для обобщений и передачи китайских стереотипов о России и русских. Нулевая фокализация чередуется с ограниченной [Там же] / внутренней и ограниченно-нулевой («я»-повествователь). Ограниченная / внутренняя фокализация (когда читатель видит ситуацию

* 老毛子 (русские – этнофолизм).

глазами одного из персонажей) встречается в сюжете о российских банках и гостиницах. Возможно, она позволяет показать противостояние «свой – чужой»: действия «своего» логичны и понятны китайскому читателю, его злоключения вызывают сочувствие. А русские «мадам», представляющие «чужих», действуют нелогично и стремятся всеми силами осложнить жизнь герою. По мнению китайского исследователя Чэнь Пинъюаня, ограниченная фокализация используется все чаще в *баогао вэньсюэ* потому, что «современные читатели уже не доверяют всезнающему нарратору; это заставляет многих авторов перейти на ограниченный нарратив» [20, с. 130]. И если читатель видит описываемое глазами персонажа, он более склонен разделять его точку зрения. Это также является доказательством наличия художественного модуса в *баогао вэньсюэ*.

Для обычной публицистики характерна гомогенная нарративная система: говорит сам автор, он же задумывает сюжет, он – центральный изображенный объект. Однако на одном голосе эстетическое событие создать невозможно, поэтому с точки зрения стилистики в художественно-публицистических произведениях складывается сложная система координации голосов. У Ма Фулиня безличные описания перемежаются повествованием от первого лица, присутствуют и диалоги между персонажами, и обращения к читателю.

Образ и позиция повествователя все время меняются. Например, в первой части, рассуждая о российских и советских политиках, повествователь то всезнающий ментор (например, когда вниманию читателя предлагаются малоизвестные в Китае случаи из жизни политиков и высказываются суждения об их поступках), то простой обыватель (*а кто я такой, чтобы рассуждать об их достоинствах и недостатках*). Часто отношение повествователя к первым лицам государства становится едко ироническим (*Раисочка и Мишенька – русские Ромео и Джульетта; Ельцин, ты не должен был меня обманывать*!). Мы видим, что статус повествователя у Ма Фулиня все время меняется: он является и главным героем – участником описываемых событий, и их активным комментатором, иногда – нейтральным повествователем.

Как уже упоминалось, в повествовании присутствуют переходы от русских реалий к китайским: автор вспоминает «культурную революцию», делает вставки-размышления о социализме, китайском национальном характере, проблемах экологии в Китае. Таким образом, «чужой» становится поводом поразмышлять без опасности для себя и тем самым выразить отношение к «своему». «Свои» вновь и вновь сравниваются с «чужими»: Хрущев ассоциируется с Бо Лэ (легендарным ценителем и знатоком лошадей в период Чуньцю, образно и иронично в значении «ценитель талантов»), Ельцин – «император Канси, путешествующий инкогнито по стране» (правление Канси – беспрецедентно длинный срок в истории Китая, эпоха благополучия, «золотой век», что явно противоречит атмосфере «лихих 90-х»), «равный по духу Лу Синю» (Лу Синь – основоположник новой китайской литературы, отличной от предшествующей традиции, однако такая метафоризация «бунтарского» характера российского лидера со всей очевидностью локализует масштаб его личности).

Повествовательная нарративная стратегия персонализирует повествование. Ма Фулинь приглашает читателей к соразмышлению и сопереживанию, описывая свои злоключения в России. Но в выборе повествовательной стратегии присутствует и элемент игры: повествователь надевает маску то всезнайки, то «простого парня» с Северо-Востока Китая, то космополита, который свысока смотрит на проявления и «китайскости», и «русскости» («я человек, поездивший по миру»).

Речевые характеристики действующих лиц являются важным компонентом повествовательной стратегии. Например, образ «простого парня», который за словом в карман не полезет, создается посредством переходов от нейтрального повествования к повествованию с использованием диалектизмов и сниженной лексики. Реплики на русском языке (в транскрибированном виде с последующим переводом на китайский) не только выполняют художественно-эстетические функции и несут на себе отпечаток творческой индивидуальности автора, но и передают стереотипные представления китайцев о России и русских. В тексте присутствуют и стилизации под пьесу, и монологи от имени животных. Такое речевое разнообразие и образность являются одним из выражений интертекстуальности (интердискурса) [14, с. 88].

Выводы. Особенностью очерковой литературы *баогао вэньсюэ* является наличие одновременно художественной составляющей в подаче материала (обеспечивающей выражение авторского отношения к описываемым событиям) и публицистических обобщений.

Проведенный тематический и нарративный анализ очерка Ма Фулиня «Россия. Чер-

ное и белое» подтверждает наличие в текстах *баогао вэньсюэ* и художественного, и публицистического модусов. Изучение такого рода синтетических текстов требует комплексного подхода с позиций традиционного литературоведения, нарратологии и других научных дисциплин. Необходимо исследовать создаваемые автором образы, художественные приемы, эстетические особенности текстов, т. к. они несут важнейшую функцию воздействия на читателя эмоциональными и образными средствами. Только комплексный подход предоставляет методологическую базу для исследования соотношения в публицистическом дискурсе факта и вымысла, объективной данности и субъективного ее восприятия. В современных условиях взаимопроникновения литературы и публицистики необходимо не просто видеть публицистический текст как «художественно обработанный», а осознавать художественное единство всех его элементов.

Список литературы

1. Бак Д. Малая сцена?? Занавес!.. // Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2005/2/bak (дата обращения: 10.12.2015).

2. 郭志云. 中国现代报告文学的叙事研究: 文学博士论文 / 郭志云. 2013年. 243页. (Го Чжиюнь. Нарратив современной китайской публицистики баогао вэньсюэ).

3. 丁晓原.中国报告文学三十年观察 / 丁晓原. 北京：作家出版社. 2009 年. 342页. (Дин Сяоюань. 30 лет наблюдения за развитием баогао вэньсюэ в Китае).

4. 丁晓原. 报告文学研究 // 常熟理工学院学报. 2015年. № 01. 第 21页. (Дин Сяоюань. Исследования баогао вэньсюэ).

5. 段百玲. 茅盾 一杰出的报告文学作家 // 苏州大学学报. 1985年. №3. 第 49-54页. (Дуань Байлин. Мао Дунь – выдающийся очеркист).

6. Кройчик Л. Публицистический текст как нарратив // Новое в массовой коммуникации. 2008. № 78–79. С. 6–15.

7. Kuprel D. Literary Reportage: Between and Beyond Art and Fact // History of the Literary Cultures of East-Central Europe: Junctures and Disjunctures in the 19th and 20th Centuries / Ed. by M. Cornis-Pope and J. Neubauer. Amsterdam: John Benjamins Pub. Co, 2004. P. 375–385.

8. 李梅. 作为文学新闻的“我们的”报告文学 ——中美文学新闻之叙事比较研究 // 新闻大学. 2014年. №3. 第83-88页. (Ли Мэй. «Наша» баогао вэньсюэ – сравнительное исследование китайского и американского нарративов очерковой литературы).

9. Маркова Т. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания // Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2011/1 (дата обращения: 10.12.2015).

10. 马福林. 黑白俄罗斯 – 一个中国人的十年亲历与见闻 (之一) // 报告文学. 2002年. № 08. 第89 – 96 页. (Ма Фулинь. Черное и белое. Десять лет в России. Ч. 1).

11. 马福林. 黑白俄罗斯 – 一个中国人的十年亲历与见闻 (之二) // 报告文学. 2002年. № 09. 第85 – 97 页. (Ма Фулинь. Черное и белое. Десять лет в России. Ч. 2).

12. 马福林. 黑白俄罗斯 – 一个中国人的十年亲历与见闻 (之三) // 报告文学. 2002年. № 12. 第56 – 62页. (Ма Фулинь. Черное и белое. Десять лет в России. Ч. 3).

13. 马福林. 黑白俄罗斯 – 一个中国人的十年亲历与见闻 (之四) // 报告文学. 2003年. № 04. 第58 – 78 页. (Ма Фулинь. Черное и белое. Десять лет в России. Ч. 4).

14. Немец Г.Н. Публицистический дискурс как методологический конструкт // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Филология и искусствоведение». 2010. № 3. С. 87–94.

15. Прохоров Г.С. Поэтика художественно-публицистического единства (на материале литературы периода классического посттрадиционализма): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08. М., 2013.

16. Sabelli M. Ryszard Kapuściński's Discourse on the Other: Literary Reportage's Persrective of Reality. URL: http://www.otherness.dk (date of access: 25.05.2016).

17. Солганик Г.Я. О стиле современных газет // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: кол. монография. М.: Флинта: Наука, 2014.

18. 章罗生. 中国报告文学发展史 /章罗生. 湖南人民出版. 2002年. 655页. (Чжан Лошэн. История развития баогао вэньсюэ в Китае).

19. 周淼龙. 非虚构叙事艺术 ——报告文学研究 / 周淼龙. 知识产权出版社. 2011年. 228页. (Чжоу Мяолун. Искусство документального нарратива: исследования баогао вэньсюэ).

20. 陈平原. 中国小说叙事模式的转变 / 陈平原. 北京大学出版社. 2010年. 352页. (Чэнь Пинъюань. Эволюция художественного нарратива в Китае).

* * *

1. Bak D. Malaja scena?? Zanaves!.. // Zhurnal'nyj zal. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2005/2/bak (data obrashhenija: 10.12.2015).

2. 郭志云. 中国现代报告文学的叙事研究: 文学博士论文 / 郭志云. 2013年. 243页. (Go Chzhijun'. Narrativ sovremennoj kitajskoj publicistiki baogao vjen'sjuje).

3. 丁晓原.中国报告文学三十年观察 /丁晓原. 北京：作家出版社. 2009 年. 342页. (Din Sjaojuan'. 30 let nabljudenija za razvitiem baogao vjen'sjuje v Kitae).

4. 丁晓原. 报告文学研究 // 常熟理工学院学报. 2015年. № 01. 第 21页. (Din Sjaojuan'. Issledovanija baogao vjen'sjuje).

5. 段百玲. 茅盾 一杰出的报告文学作家 // 苏州大学学报. 1985年. №3. 第 49-54页. (Duan' Bajlin. Mao Dun' – vydajushhijsja ocherkist).

6. Krojchik L. Publicisticheskij tekst kak narrativ // Novoe v massovoj kommunikacii. 2008. № 78–79. S. 6–15.

7. Kuprel D. Literary Reportage: Between and Beyond Art and Fact // History of the Literary Cultures of East-Central Europe: Junctures and Disjunctures in the 19th and 20th Centuries / Ed. by M. Cornis-Pope and J. Neubauer. Amsterdam: John Benjamins Pub. Co, 2004. P. 375–385.

8. 李梅. 作为文学新闻的“我们的”报告文学 ——中美文学新闻之叙事比较研究 // 新闻大学. 2014年. №3. 第83-88页. (Li Mjej. «Nasha» baogao vjen'sjuje – sravnitel'noe issledovanie kitajskogo i amerikanskogo narrativov ocherkovoj literatury).

9. Markova T. Avtorskie zhanrovye nominacii v sovremennoj russkoj proze kak pokazatel' krizisa zhanrovogo soznanija // Zhurnal'nyj zal. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2011/1 (data obrashhenija: 10.12.2015).

10. 马福林. 黑白俄罗斯 – 一个中国人的十年亲历与见闻 (之一) // 报告文学. 2002年. № 08. 第89 – 96 页. (Ma Fulin'. Chernoe i beloe. Desjat' let v Rossii. Ch. 1).

11. 马福林. 黑白俄罗斯 – 一个中国人的十年亲历与见闻 (之二) // 报告文学. 2002年. № 09. 第85 – 97 页. (Ma Fulin'. Chernoe i beloe. Desjat' let v Rossii. Ch. 2).

12. 马福林. 黑白俄罗斯 – 一个中国人的十年亲历与见闻 (之三) // 报告文学. 2002年. № 12. 第56 – 62页. (Ma Fulin'. Chernoe i beloe. Desjat' let v Rossii. Ch. 3).

13. 马福林. 黑白俄罗斯 – 一个中国人的十年亲历与见闻 (之四) // 报告文学. 2003年. № 04. 第58 – 78 页. (Ma Fulin'. Chernoe i beloe. Desjat' let v Rossii. Ch. 4).

14. Nemec G.N. Publicisticheskij diskurs kak metodologicheskij konstrukt // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologija i iskusstvovedenie». 2010. № 3. S. 87–94.

15. Prohorov G.S. Pojetika hudozhestvenno-publicisticheskogo edinstva (na materiale literatury perioda klassicheskogo posttradicionalizma): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.08. M., 2013.

16. Sabelli M. Ryszard Kapuściński's Discourse on the Other: Literary Reportage's Persrective of Reality. URL: http://www.otherness.dk (date of access: 25.05.2016).

17. Solganik G.Ja. O stile sovremennyh gazet // Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty: kol. monografija. M.: Flinta: Nauka, 2014.

18. 章罗生. 中国报告文学发展史 / 章罗生. 湖南人民出版. 2002年. 655页. (Chzhan Loshjen. Istorija razvitija baogao vjen'sjuje v Kitae).

19. 周淼龙. 非虚构叙事艺术——报告文学研究 / 周淼龙. 知识产权出版社. 2011年. 228页. (Chzhou Mjaolun. Iskusstvo dokumental'nogo narrativa: issledovanija baogao vjen'sjuje).

20. 陈平原. 中国小说叙事模式的转变 / 陈平原. 北京大学出版社. 2010年. 352页. (Chjen' Pin#juan'. Jevoljucija hudozhestvennogo narrativa v Kitae).

Chinese baogao wenxue: literary and journalistic elements (Ma Fulin “Russia, black and white – 10 years’ experience of a chinese in russia)”

This article studies how literary and journalistic elements are functioning in contemporary Chinese journalistic discourse. The study explores the relationship between these elements in Ma Fulin’sbaogaowenxue “Russia, black and white – 10 years’ experience of a Chinese in Russia”. Literary and journalistic elements were studied by the methods of literary and narrative analysis. As the result, some characteristics of Chinese journalistic discourse as a mixed genre, such as subjective and objective tone in the text, narrative system and narrative strategies were picked out.

Key words: *literary journalism baogaowenxue, narrative analysis, focalization, the image of “the Other”, literary elements, journalistic elements.*

(Статья поступила в редакцию 08.06.2016)